

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЫЗНИКОВ

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Лексика прибалтийско-финского и балтийского происхождения в русских говорах Северо-Запада

Статья посвящена анализу некоторых аспектов прибалтийско-финского, балтийского и славянского (русского) языкового взаимодействия. На основе диалектных материалов предлагается попытка анализа лексических единиц, вошедших в русские диалекты из прибалтийско-финских языков, с конечными балтийскими источниками.

Лексические данные, рассматриваемые нами как лексемы прибалтийско-финского происхождения, в ряде случаев не являются исконными на этой почве, а представляют собой более ранние балтийские заимствования. Эти единицы в прибалтийско-финском языковом континууме являются его неотъемлемой частью, имеют нередко преобразованную форму и семантику по сравнению с балтийскими этимонами. В работе анализируются также некоторые попытки в предшествующих исследованиях, направленных на сопоставление балтийских данных с финно-угорскими материалами.

Ключевые слова: трансформированные балтизмы, этимология, прибалтийско-финский, русские диалекты.

Проблема прибалтийско-финского, балтийского и славянского (русского) взаимодействия уже не раз рассматривалась нами в различных аспектах:

- дифференциация прибалтийско-финского субстрата в севернорусских говорах [Мызников 2007];
- взаимоотношение данных балтийского и прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Северо-Запада;
- балтизмы, вошедшие в русские говоры через посредство прибалтийско-финских языков, и др. [Мызников 2000; 2002; 2007; 2007a; 2013; 2015; 2014].

К настоящему времени, после выхода в свет таких трудов, как *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* (1992–2000) и К. Liukkonen

“Baltisches im Finnischen” (1999), появляется возможность детального анализа результатов языковых взаимоотношений: балто-славянских, балто-прибалтийско-финских, прибалтийско-финско-русских, которые нередко можно наблюдать на смежных территориях.

В статье на основе диалектных материалов продолжается анализ лексических единиц, вошедших в русские говоры из прибалтийско-финских языков, при их конечном балтском источнике. Лексические данные, рассматриваемые нами как лексемы прибалтийско-финского происхождения, в ряде случаев не являются исконными на этой почве, а представляют собой более ранние балтийские заимствования. Эти единицы в прибалтийско-финском языковом континууме являются его неотъемлемой частью, имеют нередко преобразованную форму и семантику по сравнению с балтийскими этимонами, позднее предпринимались попытки либо расширить, либо сузить перечень таких единиц. Некоторые лексемы балтийского происхождения, являясь неотъемлемой частью прибалтийско-финского континуума, распространяются далее в севернорусские говоры.

Ранее проблема балтизмов в прибалтийско-финских языках уже была довольно обстоятельно изучена. Общий надежный свод лексем балтийского происхождения представлен в работе Я. Калимы “*Itämeresuomalaisten kieltean balttilaiset lainasanat*” [Kalima 1936].

С. Сухонен, проанализировав общепризнанные балтийские заимствования в прибалтийско-финских языках, представил общую их картину в этих языках. Общее число балтизмов насчитывает 144 единицы: в финском языке — 132, в эстонском — 114, в карельском — 107, в ижорском — 101, в водском — 97, в людиковском — 84, ливском — 83, в вепском — 82 заимствования [Suhonen 1980].

На некоторых территориях Северо-Запада на почве русских говоров можно наблюдать смежные фиксации данных балтийского и прибалтийско-финского происхождения. Можно привести немало примеров прямого балтийского влияния на русские говоры Северо-Запада.

Ку’ка ‘деревянный молот на длинной рукоятке для глушения рыбы подо льдом’ Пск., Чудск. оз. [СРНГ 16, 30]. **Ку’ка** ‘приспособление для разбивания комьев на полях’ “Палка, вставленная в дерево”. Палк. Пск. [СРНГ 16: 30]. Слово восходит к балтийским источникам, ср. лит. *kūokas*, латыш. *kūoks* ‘палка с утолщением на одном конце для игры или глушить рыбу’, ср. также белорусск. кука ‘деревянный молоток глушить рыбу’ [Лаучюте 1982, 144]. М. Фасмер сопоставляет балтийские данные со славянскими, ср. лит. *kukà* ‘дубинка’ и сrbхрв. *kūka* ‘крюк’, болг. кука ‘крюк’ [Фасмер 2, 403, 404].

Имеются случаи, когда единица балтийского происхождения распространяется шире зоны поздних контактов, что может указывать на результаты более ранних балто-славянских взаимодействий.

Лиды ‘название деревни’ Кашир. Моск. [Поспелов 2000]. Возводится к лит. *lyda* ‘обрабатываемое поле на месте вырубленного леса’ [Поспелов 2000].

Стень ‘мелкий битый лед’ Тихв. Ленингр. (Пяхта) [ПЛГО]. Вряд ли связано с рус. **стенъ** ‘тень’ Пск. [Даль 4: 360]. Не исключена связь с балтийским материалом, ср. лит. *stingti* ‘замерзать, коченеть, твердеть’, либо лит. диал. *stūmas* ‘куча, груда, толпа, стая’, ‘стая рыб’, связанное с вост.-прус. *štīm* ‘метель, выюга’ [Fraenkel 2, 906].

Ку’рпы ‘пеньковые лапти’ Пск., 1855 [СРНГ 16, 143]. **Ку’рпы** ‘мужские башмаки с пряжками’ Великолукск. Пск. [Опыт], Пск. [Даль]. **Курпи’ны** ‘лапти из охлопья’ Кашин. Твер. [Опыт]. **Ку’рпы** ‘пеньковые лапти, чуни’ Твер., Пск. [Даль]. **Курпетки** ‘носки’ Влад. [СРНГ 16, 143]. **Ку’рпаники** ‘лапти’ Яросл., 1961 [СРНГ 16, 143]. Для русских говоров можно рассматривать как заимствование из балтийских источников, ср. лит. *kūrpė* ‘башмак’, латыш. *kurpe*, др.-прусс. *kurpe*, при словен. *kíplja* ‘вид обуви’, польск. *kurp*, *kurpia* ‘коты, лапти’, греч. *κρηπίς* ‘башмак’, латин. *carpisculum* ‘вид обуви’ [Фасмер 2, 428]. На прибалтийско-финское почве, ср. фин. *kurpunen*, *kurpos*, *kurttonen* ‘обувь из недубленной кожи’, ливск. *kurp* ‘обувь’, эст. диал. ‘низкие сапожки с подметками’, относят к балтизмам [SKES 246]. Я. Калима предполагает, что при заимствовании из прибалтийско-финских языков русская форма была бы: *курб- или *кърб- [Kalima 1915, 129]. М. Фасмер отмечает, что об обратном направлении заимствования говорить нет оснований [Фасмер 2, 428].

В ряде случаев севернорусские данные представляют собой весьма сложные для этимологического анализа данные, особенно когда речь идет о материалах, зафиксированных в дистантных ареалах, например:

Ла’ма ‘заболоченный сенокос, какое-л. угодье, вообще заболоченное место’ Пинеж. (Веркола, Летопола, Юрас) [Сими́на]. **Ла’ма** ‘болотистый луг’ Арх. Арх. [СРНГ 16, 252]. **Ла’мы’** ‘луг, покрытый мелким лесом, кустарником, иногда заливаемый водой’ Пск. Пск., 1902–1904. Пск., Порх. Пск., 1855 [СРНГ 16, 254]. **Ламь** ‘пустошь’ Черепов. Новг., 1910 [СРНГ 16, 254]. **Ла’мка** ‘низина в лесу’ Чудов. Новг. [КСРГК]. **Ламь** ‘название пустоши’ Черепов. Новг. [Герасимов 1910; СРНГ 16, 254]. **Ла’ма** ‘вырубленный участок леса’: *Раньше черника на ламах росла, где вырубят лес, а нового еще не нарастет*. Подпорож. [СРГК

3: 92]. **Лама** ‘поле, покос’ Верхнетоем., **Лама** ‘покос’ Холмог., **Лама** ‘поле’ Шенк. [Кожеватова 1995, 49].

Данный материал довольно затруднительно трактовать каким-либо единственным образом. Возможна его связь с рус. **лом** ‘сломанные или срубленные сучья, остатки деревьев в лесу’ Поддор. [НОС 5, 38]. Причем мена вокализма [o] — [a] не исключена и на славянской почве. Псковские данные, вероятно, связаны с балтийским влиянием, ср. латыш. *lāma* ‘впадина, лог’, лит. *lomà* ‘низкое место на пашне’, которые имеют отношение к болг. лам ‘яма, ров’, латин. *lāma* ‘лужа, топь, болото’ [Фасмер 2, 515; Fraenkel 1, 385]. Авторы SKES предлагают возвести лит. *lomà* ‘впадина, ложбина, узкая долина, овраг’, латыш. *lāma* ‘лощина, низина, лужа’, ‘болото’, ‘лесное озеро’, ‘луг’, ‘сенокосное место между пашнями’, ‘заросший травой холм между пашнями’ к фин. *luoma* ‘приток реки или ручья, наполненный водой в паводок, в другое время высохший’, ‘низина между крутых речных берегов’, при сходных скандинавских данных, ср. швед. диал. *loma* ‘низина, тесная долина’, саам. лул. *luorta* ‘низкое русло ручья или поверхность озера с высокими берегами’ [SKES 312].

Кроме того, не совсем понятно, в какой связи к фин. *luoma* и исходным балтийским данным находятся следующие прибалтийско-финские материалы, ср. фин. *lamu* ‘обширное, широкое, просторное место’, ‘отлогий, покатый (о земле, крыше)’, вепск. *lamu* ‘брусничное место, холм’; водск. *lama* ‘полегший (о хлебе)’ [SKES 273, 274], ливв. *lamaidu* ‘изгородь, составленная из сваленных вокруг пашни деревьев’ [СКЯМ 177]. Ср. также другие прибалтийско-финские данные: фин. *laami* ‘лужа’, кар. *loama* ‘лужа’ [SKES 267].

Слово **ламка** ‘низина в лесу’ возможно соотнести с латыш. *lānka* ‘низкая длинная равнина, изгиб реки’, ‘заливной луг’, сопоставляемое в свою очередь с рус. **лука** ‘излучина реки и т. п.’ [Fraenkel 1, 339; см. также Невская 1977; Мурзаев 1984, 336]. О.А. Кожеватова предлагает для **Лама** ‘покос’ следующие этимоны: кар. *laama* ‘заводь, устье реки’, фин. *laami* ‘лужа, пруд’ [ПФГЛК 49; Кожеватова 1995, 49].

В ряде случаев, когда речь идет о фиксации данных, весьма удаленных от балтийского языкового континуума, при несомненном конечном балтийском источнике, мы называем данный материал трансформированными балтизмами, исходя из того, что в севернорусские говоры эта лексика, вне всякого сомнения, вошла из прибалтийско-финских языков. Например, лексема **кирбяс** ‘топор’ Углич. Яросл. [КСРНГ], рассматривается О.Б. Ткаченко как результат мерянского (финно-угорского) влияния [Ткаченко 1985, 150]. Можно привести сходные прибал-

тийско-финские данные: фин. *kirves* ‘топор’, ливв. *kirves*, вепс. *kirvez* ‘топор’, которые, в свою очередь, восходят к балтийским источникам, ср. лит. *kiŗvis*, латыш. *cirvis* ‘топор’ [SKES 200].

Среди трансформированных балтизмов значительную часть представляет метеорологическая лексика (некоторые данные из этой области были рассмотрены в [Мызников 2015]).

Га’лага ‘иней; заморозки на почве’ Кондоп. (Гангозеро, Кулмуksa, Новинка), Карел. [ПЛГО], Петрозав. (Кондоп., Великогуб., Толв.), Олон. [Певин], Петрозав. (Косалма), Олон. [Куликовский 1899]. **Га’лога** ‘то же’ Прионеж. (Вороново, Заозерье, Суйсарь), Кондоп. (Лижма, Чоболакша, Тулгуба) [ПЛГО]. Заонежье [Куликовский 1899]. **Гало’га** ‘то же’ Кондоп. (Лижма) [ПЛГО]. **Га’лога** (произн. [уалога]) Прионеж. (Машезеро) [ПЛГО]. См. также [СРГК 1, 325]. **Га’лога** ‘ледяная корка на почве’ Кондоп. (Лижма) [ПЛГО]. **Га’лога** ‘снег; подтаявший первый снег’ Кондоп. (Чоболакша) [ПЛГО]. **Га’лага** ‘туман’ Петрозав. [Куликовский]. **Га’лойгуба** ‘название залива’ Пудож. (Колгостров) [ПЛГО]. А.Л. Погодин соотносит анализируемый материал с фин. *halla* ‘заморозки’, предполагая, что русская форма на **-ага** восходит к вепс. **hallaga* [Погодин 1904, 21–22], против чего возражал Я. Калима, отдавая предпочтение карельско-вепсской этимологии: кар. *halla*, южновепс. *hal*, северновепс. *hala* ‘иней’, при водск. *алла*, эст. *hall*, ливск. *ala* ‘иней’ [Kalima 1915, 90], причем вариант галога он рассматривает как дериват на русской почве [Kalima 1913, 79]. Ср. также: люд. *hallи*, *halle*, *hal*, ливв. *hallи* ‘иней’, средневепс. *hall*, при саам. лула *suolne* ‘роса’, саам. норв. *suol’dne* ‘роса; туман над водой или землей в холодные летние ночи или осенние вечера’. Ареальная дистрибуция свидетельствует в пользу этимологии Я. Калимы, ср. также: вепс. *halла*, *hall* ‘заморозки’ [СВЯ 103], кар. тихв. *halla* ‘заморозки’ [KKS 1, 157], кар. твер. *halla* ‘заморозок, утренник’ [СКЯП 45], ливв. *hallu* ‘заморозки’ [СКЯМ 57]. Возможно, что вариант с [o] во втором слоге является следствием адстратного воздействия вепсского глагола *halloita* ‘прихватить заморозком, морозом’ [СВЯ 104], принимая в виду то, что в данных говорах отсутствует огубление заударного [a].

Прибалтийско-финские данные неисконны, они также восходят к балтийским источникам, ср. латыш. *sal’na* ‘мороз, иней’, лит. *šalnà* ‘иней, слабый мороз’ [SKES 51]; наличие манс. *солюкве* ‘покрываться инеем’ [МАНРС 106], вряд ли может изменить мнение о направлении заимствования. Имеются сходные осетинские данные, ср. осетин. *xalas* ‘иней’, рассматриваемое В.И. Абаевым в сопоставлении русск. **холод** как грецизм [Абаев 4, 136–137]. Причем он же возводит лит. *šalti*

‘мерзнуть’ к осетин. *sælyn* [Абаев 1965, 134]; не вполне ясно, при наличии общеиранского перехода [s] в [h], какие данные могут быть первичными [Абаев 1965, 135].

Такого рода трансформированные балтизмы, уже как единицы прибалтийско-финского субстрата, образуют достаточно многочисленный пласт лексики.

А’рда ‘приспособление в виде укрепленной на столбах жерди для сушки льна, гороха’ Лодейноп., Подпорож. Ленингр. [ПЛГО]. **А’рда** ‘приспособление, используемое для сушки белья’ Подпорож. Ленингр. [ПЛГО; КСРГК]. **Арда** ‘вешалка, на которой сушат невода’ [Барсов; Куликовский]. Лодейноп. **А’рды** ‘колья для укрепления суслонов’ Петрозав. (Муромля) Олон. [СРНГ 1, 272]. **А’рды** ‘вешала для просушки льна’ Тихв. Новг. [Дестунис 1854; КСРНГ]. **А’рды** ‘приспособление для просушивания рыболовных сетей’: *На а’рдах су’шат се’ти. Нёвода’ су’шация на а’рдах. Же’рди кла’йены на ко’злик, называют а’рды. Зде’ланы козлы да приделаны жэ’рди, вот и арды.* Плесец. [АОС 1, 15]. **А’рдочка** ‘приспособление в виде укрепленной на столбах жерди для сушки льна, гороха’ Лодейноп. [КСРГК]. Н.Ф. Лесков отмечает, что “это слово без изменения заимствовано из карельского языка, где *ардо* значит — шест, на котором сушат невод, сети, белье” [Лесков 1892, 98]. Я. Калима предлагает доминирование карельских источников: ливв. *ardo*, люд. *ard* ‘шест для сушки рыболовной сети’, при вепс. *ard* ‘длинный шест, на котором вешают белье для сушки на открытом воздухе’ [Kalima 1915, 79]. М. Фасмер возводит к карельскому *ardo* [Фасмер 1, 85]. Ср. также новые данные по прибалтийско-финским языкам: ливв. *ardo* ‘жерди для сушки сетей, белья’ [СКЯМ 21], вепс. *arz’*, *ard* ‘вешало для сушки снопов, сетей и др.; жердь, насест’ [СВЯ 34], кар. твер. *oardo* ‘используемая для сушки сетей, одежды и т. д. стойка’ [KKS 4, 3], водск. *ārto* ‘высокое прясло для сушки хлеба’, эст. диал. *ardu* ‘складское помещение над жилым домом’, фин. *aarto* ‘установленная на шесты с развилкой жердь, на которую вешают для просушки ржаные, овсяные снопы, коноплю, лен, ботву, одежду, невод’ [SKES 3].

Авторы SKES возводят это гнездо к балтийским данным, ср. лит. *aĩdas*, pl. *ardai* ‘жердь, на которую вешают сушить лен’, латыш. *ārd*, *ārde*, pl. *ārdi*, *ārdi* ‘колосники в риге’, ‘толстые жерди в задней или боковой половине избы, на которых сушат лучину, одежду и т. п.’; из прибалтийско-финских языков (фин.) слово попало в саам. диал.: саам. инар. *ardu* ‘навес для сушки рыбы’, саам. кильд. *ard^{la}* [SKES 3].

Еще этимологически сходные материалы.

Каура ‘птица *Podiceps cristatus* L., поганка большая’ Гдов. Петерб. [Мензбир; СРНГ 13, 138]. **Ка’вра** ‘то же, что каура’ Гдов. Петерб. [Мензбир]. Пск., Чудск. Оз. [СРНГ 12, 295]. **Кивре’й** ‘птица морская или хохлатая чернеть’ Онеж. [КСРГК]. **Каю’р, каю’рка, каюра, кайра** “хохлатый камчатский крошечный морской нырок *Columbus, Pholeris*” [Даль]. Я. Калима для гдовских данных предлагает эстонский источник, ср. эст. *kaur*”, ген. *kauri* ‘северный нырок’, полагая, что и материалы В.И. Даля, зафиксированные в Сибири, относятся сюда же [Kalima 1915, 98]. См. также [Фасмер 2, 154]. А.Е. Аникин не исключает возможность контаминации с **каюр** ‘погонщик собачьей нарты’ [Аникин 1997, 290], непонятно, однако, на какой основе. Авторы SKES считают, что эст. *kaur* ‘гагара’ связано с балтийскими данными, ср. латыш. *gaura, gauris, gūra* ‘крохаль’, др.-прусск. *guris* ‘баклан’ [SKES 174], при фин. *kauru* ‘кроншнеп’. См. также [SSAP 1, 332]. Вариант **кивре’й**, вероятно, восходит к карельскому влиянию, мена [a] — [i] произошла на русской почве, ср. кар. *kirsa* и *kärsä* ‘морда’ [KKS 2, 217].

В некоторых случаях следует разграничивать результаты прямых контактов балтийского происхождения и опосредованные прибалтийско-финским воздействием. Рассмотрим два омонима, которые связаны с балтийским воздействием.

Карза’ть ‘очищать от сучьев срубленное дерево’ Любыт., Хвойнин., Крестец., Поддор., Мошен., Солец., Прионеж. (Машезеро), Окулов. (Висленев Остров, Сутоки) [ПЛГО]. Я. Калима предлагает вепскую этимологию, ср. вепс. *karšta* ‘обрубать сучья’ [Kalima 1915, 108]. Авторы SSAP предполагают возможность германских источников, др. герм. **skardian*, при др. норв. *skarda* ‘причинять боль, ранить, подавлять, уменьшать’ [SSAP 1, 317].

Ка’рзать ‘чесать шерсть’ Гдов. (Кунеть, Духнова Гора), Батец. (Дорогобуж), Солец. (Ситня), Сланц. (Велетово) [ПЛГО]. “Расчесывать шерсть щетками” Чудов., Батец., Солец., Кириш., Сланц., Тихв., Волх. [СРНГ 13, 89; СРГК 2, 329]. **Та’рза’ть** ‘чесать шерсть’ Солец. (Жильско) [ПЛГО]. **Та’рзать** ‘чесать шерсть’ Новг. [СРГК 6, 443]. **Та’рзить** ‘чесать шерсть’ Новг. [СРГК 6, 443].

В этимологической литературе два разных глагола **карзать** ‘обрубать сучья’ и **карзать** ‘чесать шерсть’ [Преображенский, 298] нередко смешивались. Мюркхейн, отмечая слово **карзить** ‘чесать шерсть’ в русских говорах Эст. ССР, причисляет его к заимствованиям из эстонского языка, сравнивая его с эст. *kaarśma* ‘то же’ [Мюркхейн 1973, 3]. Ю.А. Лачюте относит эту лексему к опосредованным балтизмам, считая, что в русские говоры слово **карзить** проникло из балтийских языков через

прибалтийско-финские [Лаучюте 1982, 112]. Действительно балтийский материал, по-видимому, является основой для прибалтийско-финского, ср. фин. *karsta*, люд. *karste*, эст. *kaarsma*, ливск. *kar 'š 'šə* ‘чесать шерсть’ при латыш. *kārst* ‘то же’, лит. *karšti* ‘чесать шерсть лен, чистить скребницей лошадь’ [SKES 166]. Кроме того, следует отметить, что еще один глагол со значением ‘чесать шерсть’ — фин. *kartata*, заимствован в карельские и финские диалекты из скандинавского континуума, а затем вошел в русские говоры, с территорией распространения от Посвирья до Белого моря. Ареал лексем **карзать**, **карзить** с дериватами и вариантами охватывает новгородские псковские говоры, запада и юга Ленинградской области. Хорошо известно, что эстонские заимствования в подавляющем большинстве случаев фиксируются в зоне непосредственных эстонско-русских контактов и крайне редко из ареал является шире этой зоны. В то же время, по последним данным [см. Мызников 1998, 436], ареал балтийского влияния на русские говоры простирается до Волхова и Приладожья. Таким образом, лексемы **карзать**, **карзить** следует рассматривать как материал прямого балтийского влияния. К тому же в современном эстонском языке концепт ‘чесать шерсть’ выражен глаголом *kraasima*, ср. также: *kraas* ‘ворсильня’, *kraasmed* ‘очески’, *kraasimismasin* ‘чесальная машина’ [ЭРС 202, 203], что можно рассматривать как фонематический вариант (метатеза сонорного в начало слога) или как результат немецкого влияния, ср. нем. *kratzen* ‘чесать’ [EWD 924]. В ареале, где в говоре сталкиваются два глагола **ка’рзать** ‘обрубать сучья’ и **ка’рзать** ‘чесать шерсть’ — Солецкий р-н, последний у значительного числа информантов представлен в форме **та’рза’ть** — результат процесса омонимического отталкивания [см. Dozat 1922].

Кроме того, кажутся весьма спорными попытки сопоставления балтийских данных с материалами, восходящими к финно-угорским языкам, не контактирующих в ближайшей исторической ретроспективе с балтийским континуумом. Например, В.И. Лыткин сопоставляет коми диал. мѡдзов, мѡдзов, мѡдзол, мыдзол ‘ельник с мшистой почвой’ [ССКЗД], при прибалтийско-финских данных: фин. *metsä* ‘лес’, кар. *mettt's'a*, люд. *metš*, вепс. *mets*, эст. *mets*, *mõts* ‘лес’, которые в свою очередь восходят к балтийским источникам, ср. лит. *medis*, латыш. *mežs*, *meža* ‘дерево’, ‘лес’ [КЭСЯ 176].

Сходную попытку этимологизации русского материала на балтийской почве осуществляет Ю.В. Откупщиков, сопоставляя русские говоры Коми с литовскими источниками: **ко’йка** ‘нижняя часть ноги коровы, идущая на холодец’ Усть-Цилем. [СРГНП 1, 322]. **Коя** ‘голень (ноги человека)’ Усть-Цилем. [СРГНП 1, 346]. **Коя** ‘нижняя часть ноги

коровы, идущая на холодец' Усть-Цилем. [СРГНП 1, 346]. Ср. лит. *kója* 'нога' [Откупщиков 2001, 310]. Однако, исходя из ареала, нельзя исключать влияние коми языка, ср. коми *кок* 'нога, ножка' [ССКЗД, 160], при удм. *кук* 'лапа, нога, ножка (животных, зверей, птиц, насекомых)', рассматриваемые на пермской почве. [КЭСЛЯ 129].

Следует принимать во внимание, что приводимые данные прибалтийско-финской лексики балтийского происхождения настолько разорваны хронологически с точки зрения их вхождения в прибалтийско-финские языки, а из последних затем, спустя тысячелетие, — в севернорусские говоры, что их конечный балтийский характер имеет значение только для западной части региона (псковские, новгородские говоры). Например: **Ши'лта** 'высокий пригорок' Каргоп. (Низ) [Гусева 1971, 131]. **Ши'лтя** 'небольшая деревня близ моста чрез реку' Медвежьегор. [ПЛГО]. Сопоставляется с фонетически близкими прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *silta*, кар. *šilta*, *šilda*, ливв. *sildu*, люд. *šild* 'мост' [SKES 1029; Матвеев 2004, 135].

Ср. также балтийскую первооснову: лит. *tiltas*, латыш. *tilts* 'мост'. Из финского языка слово вошло в саамские диалекты, ср. саам. норв. *šál'de* 'мост', саам. инар. *šalde* 'пол', саам. лул. *siltē* 'мост' [SKES 1029]. Мордовские данные, ср. эрз. сэдъ, мокш. сэдъ рассматривались как заимствование, древнеиндийского типа — *sel'tu-* 'мост' [Кнабе 1962, 65].

СОКРАЩЕНИЯ

- КСРГК – Картоoteca *Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей*.
 КСРНГ – Картоoteca *Словаря русских народных говоров*.
 КЭСЛЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С., *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар, 1999.
 МАНРС – Баландин А. Н., Вахрушева М. П. *Мансийско-русский словарь*. Ленинград, 1958.
 НОС – *Новгородский областной словарь*. Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
 Опыт – *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук*. Санкт-Петербург, 1852.
 ПЛГО – *Полевое лингвогеографическое обследование* (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
 СВГ – *Словарь вологодских говоров*. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
 СВЯ – *Словарь вепсского языка*. Сост. М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. Ленинград, 1972.
 СКЯМ – *Словарь карельского языка [ливвиковский диалект]*. Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

- СКЯП – *Словарь карельского языка [тверские говоры]*. Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1994–2005.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Т. 1–49. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2016.
- ССКЗД – *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар, 1961.
- СРГНП – *Словарь русских говоров Низовой Печоры* / Под ред. Л.А. Ивашко. Санкт-Петербург, 2003–2005. Т. 1–2.
- ЭРС – Там И. *Эстонско-русский словарь*. Изд. седьмое. Таллинн, 1988.
- EWD – *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. В. 1–3. Berlin, 1989.
- IMS – *Inkeröismurteiden sanakirja*. Toimit. R.E. Nirvi. (= *Lexica societatis fenno-ugricae*, XVIII). Helsinki, 1971.
- KKS – *Karjalan kielen sanakirja*. О. 1–6 (= *LSFU*, XVI, 1–6). Helsinki, 1968–2005.
- SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSAP – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. О. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И., 1965: *Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада*. Москва.
- Абаев В.И., 1958–1989: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 1–4. Москва; Ленинград.
- Аникин А.Е., 1997: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири*. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск.
- Гусева Л.Г., 1971: Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края, *Вопросы топониматики*, № 5. 128–132.
- Даль В.И., 1880–1882: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. Москва; Санкт-Петербург.
- Кнабе Г.С., 1962: Словарные заимствования и этногенез (к вопросу о “балтийских” заимствованиях в восточных финно-угорских языках), *Вопросы языкознания*, № 1. 65–76.
- Кожеватова О.А., 1995: К вопросу об отражении прибалтийско-финской географической терминологии в диалектной лексике и субстратной топонимии Русского Севера, in *Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия различных ономастических систем*. Петрозаводск, 44–54.
- Куликовский Г.И., 1898: *Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург.
- Куликовский Г.И., 1899: Дополнение к Словарю олонекского областного наречия, *Этнографическое обозрение*, № 1, 2.
- Лаучюте Ю.А., 1982: *Словарь балтизмов в русском языке*. Ленинград.

- Лесков Н.Ф., 1892: О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии, *Живая старина*, № 4. 97–103.
- Матвеев А.К., 2004: *Субстратная топонимия Русского Севера*. Екатеринбург. Ч. II.
- Мензбир М.А., 1893–1895: *Птицы России*. Т. 1–2. Москва.
- Мызников С.А., 1998: Лексика прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах (Лингвогеографический аспект), in *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов*. Краков. Доклады российской делегации. 430–442.
- Мызников С.А., 2000: Прибалтийско-финский лексический субстрат балтийского происхождения в севернорусских говорах, *Hungaro-Baltoslavica*. Budapest, 100–101.
- Мызников С.А., 2002: О балтизмах в вепском языке в связи с его контактами с севернорусскими говорами, in *Материалы XXXI Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Выпуск 11. Уралистика. Санкт-Петербург, 14.
- Мызников С.А., 2007: Проблема дифференциации типов прибалтийско-финского языкового субстрата в русских говорах Северо-Запада, *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. Специальный выпуск. Т. 13, 30–38.
- Мызников С.А., 2007а: Балтизмы в прибалтийско-финских языках и трансформированные балтизмы в севернорусских говорах, in *Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской*. Тезисы. Москва, 163–165.
- Мызников С.А., 2013: Балтизмы и трансформированные балтизмы в севернорусских говорах, in *International Scientific Conference Dialects – European national heritage*. Extended Abstracts. Vilnius, 57–58.
- Мызников С.А., 2014: О некоторых вепских этимологиях в SKES в балто-славянском контексте, in *Вопросы уралистики 2014*. Научный альманах. Ин-т лингв. исслед. Санкт-Петербург, 466–473.
- Мызников С.А., 2015: Балтизмы и трансформированные балтизмы в севернорусских говорах, in *Tarmės – Europos tautų kultūros paveldas. Dialects – cultural heritage of european nations*. Mokslo straipsnių rinkinys. Vilnius, 395–406.
- Мюркхейн В., 1973: Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР, *СФУ*, IX, 1. 1–9.
- Откупщиков Ю.В., 2001: Очерки по этимологии. Санкт-Петербург.
- Погодин А.Л., 1904: Севернорусские словарные заимствования из финского языка, *Варшавские университетские известия*, № 4. Варшава, 1–72.
- Поспелов Е.М., 2000: *Топонимический словарь Московской области*. Москва.
- Преображенский А., 1910–1914: *Этимологический словарь русского языка*. Москва.
- Ткаченко О.Б., 1985: *Мерянский язык*. Киев.
- Фасмер М., 1986–1987: *Этимологический словарь русского языка*. Изд. второе, стереотипное. Т. 1–4. Москва.

- Dozat A., 1922: *La géographie linguistique*. Paris, 1922.
- Fraenkel E., 1962–1965: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. T. 1–2. Heidelberg.
- Kalima J., 1913: Kritisches zur Frage über die Finnisch-ugrischen Element im Russischen. II (Zelenin, Vasmer, Pogodin), *Rocznik slawistyczny*. T. VI. Kraków, 74–94.
- Kalima J., 1915: *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors.
- Kalima J., 1936: Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat, *Suomen kielen seuran toimituksia*, Bd. 202. Helsinki.
- Liukkonen K., 1999: Baltisches im Finnischen, *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*, 235. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 235). Helsinki.
- Suhonen S., 1980: Baltilaisten lainasanojen levikistä ja merkityspiirteistä itämerensuomalaisissa kieleissä, in *Virittäjä*. 189–211.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Abaev V.I., 1958–1989: *Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka*. T. 1–4. Moskva; Leningrad.
- Abaev V.I., 1965: *Skifo-evropejskie izoglossy na styke Vostoka i Zapada*. Moskva.
- Anikin A.E., 1997: *Etimologičeskij slovar' russkih dialektov Sibiri*. Zaimstvovanija iz ural'skih, altajskih i paleoaziatskih jazykov. Novosibirsk.
- Dal' V.I., 1880–1882: *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka*. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnožennoe po rukopisi avtora. T. 1–4. Moskva; Sankt-Peterburg.
- Dozat A., 1922: *La géographie linguistique*. Paris, 1922.
- Fasmer M., 1986–1987: *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Izd. vtoroe, stereotipnoe. T. 1–4. Moskva.
- Fraenkel E., 1962–1965: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. T. 1–2. Heidelberg.
- Guseva L.G., 1971: Zaimstvovannye slova v geografičeskoj terminologii Kargopol'skogo kraja, *Voprosy toponomastiki*, № 5. 128–132.
- Kalima J., 1913: Kritisches zur Frage über die Finnisch-ugrischen Element im Russischen. II (Zelenin, Vasmer, Pogodin), *Rocznik slawistyczny*. T. VI. Kraków, 74–94.
- Kalima J., 1915: *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors.
- Kalima J., 1936: Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat, *Suomen kielen seuran toimituksia*, Bd. 202. Helsinki.
- Knabe G.S., 1962: Slovarnye zaimstvovanija i jetnogenez (k voprosu o "baltijskih" zaimstvovanijah v vostočnyh finno-ugorskih jazykah), *Voprosy jazykoznanija*, № 1. 65–76.
- Kozhevatova O.A., 1995: K voprosu ob otrazhenii pribaltijsko-finskoj geografičeskoj terminologii v dialektnoj leksike i substratnoj toponimii Russkogo Severa, in *Onomastika Karelii. Problemy vzaimodejstvija različnyh onomastičeskich sistem*. Petrozavodsk, 44–54.
- Kulikovskij G.I., 1898: *Slovar' oblastnogo oloneckogo narečija v ego bytovom i jetnografičeskom primenenii*. Sankt-Peterburg.

- Kulikovskij G.I., 1899: Dopolnenie k Slovarju oloneckogo oblastnogo narechija, *Etnograficheskoe obozrenie*, № 1, 2.
- Lauchjute J.A., 1982: *Slovar' baltizmov v russkom jazyke*. Leningrad.
- Leskov N.F., 1892: O vlijanii korel'skogo jazyka na russkij v predelah Oloneckoj gubernii, *Zhivaja starina*, № 4. 97–103.
- Liukkonen K., 1999: Baltisches im Finnischen, *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*, 235. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 235). Helsinki.
- Matveev A.K., 2004: *Substratnaja toponimija Russkogo Severa*. Ekaterinburg. Ch. II.
- Menzbir M.A., 1893–1895: *Pticy Rossii*. T. 1–2. Moskva.
- Mjurkhejn V., 1973: Jestonskie leksicheskie zaimstvovanija v odnom iz russkikh govorov Jestonskoj SSR, *SFU*, IX, 1, 1–9.
- Myznikov S.A., 1998: Leksika pribaltijsko-finskogo proishozhdenija v severnorusskikh govorah (Lingvogeograficheskij aspekt), in *Slavjanskoe jazykoznanie*. XII Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov. Krakov. Doklady rossijskoj delegacii. 430–442.
- Myznikov S.A., 2000: Pribaltijsko-finskij leksicheskij substrat baltijskogo proishozhdenija v severnorusskikh govorah, *Hungaro-Baltoslavica*. Budapest, 100–101.
- Myznikov S.A., 2002: O baltizmah v vepsskom jazyke v svjazi s ego kontaktami s severnorusskimi govorami, in *Materialy XXXI Mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoi konferencii prepodavatelej i aspirantov*. Vypusk 11. *Uralistika*. Sankt-Peterburg, 14.
- Myznikov S.A., 2007: Problema differenciacii tipov pribaltijsko-finskogo jazykovogo substrata v russkikh govorah Severo-Zapada, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. Special'nyj vypusk. T. 13, 30–38.
- Myznikov S.A., 2007a: Baltizmy v pribaltijsko-finskih jazykah i transformirovannye baltizmy v severnorusskikh govorah, in *Konferencija po ural'skim jazykam, posvjashhennaja 100-letiju K.E. Majtinskoj*. Tezisy. Moskva, 163–165.
- Myznikov S.A., 2013: Baltizmy i transformirovannye baltizmy v severnorusskikh govorah, in *International Scientific Conference Dialects – European national heritage*. Extended Abstracts. Vilnius, 57–58.
- Myznikov S.A., 2014: O nekotoryh vepsskikh jetimologijah v SKES v baltoslavjanskom kontekste, in *Voprosy uralistiki 2014*. Nauchnyj al'manah. In-lingv. issled. Sankt-Peterburg, 466–473.
- Myznikov S.A., 2015: Baltizmy i transformirovannye baltizmy v severnorusskikh govorah, in *Tarmės – Europos tautų kultūros paveldas. Dialects – cultural heritage of european nations*. Mokslo straipsnių rinkinys. Vilnius, 395–406.
- Otkupshhikov Ju.V., 2001: *Ocherki po jetimologii*. Sankt-Peterburg.
- Pogodin A.L., 1904: Severnorusskie slovarnye zaimstvovanija iz finskogo jazyka, *Varshavskie universitetskie izvestija*, № 4. Varshava, 1–72.
- Pospelov E.M., 2000: *Toponimicheskij slovar' Moskovskoj oblasti*. Moskva.
- Preobrazhenskij A., 1910–1914: *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. Moskva.
- Suhonen S., 1980: Baltilaisten lainasanojen levikistä ja merkityspiirteistä itämerensuomalaisissa kielessä, in *Virittäjä*. 189–211.
- Tkachenko O.B., 1985: *Merjanskij jazyk*. Kiev.

SERGEY MYZNIKOV

The Vocabulary of Baltic-Finnish and Baltic Origin in the Russian Dialects of the Northwest

The problem of Baltic-Finnish, Baltic and Slavic (Russian) interaction has already been examined by us in various aspects: the differentiation of the Baltic-Finnish substratum in the North Russian dialects; the relationship of these Baltic and Baltic-Finnish origins in the Russian dialects of the Northwest; the Baltisms that are included in the Russian dialects through the medium of the Baltic-Finnish languages, etc.

In this article, an attempt is made, on the basis of dialectal materials, to analyze the lexical units included in Russian dialects from the Baltic-Finnic languages with their final Baltisky source. The lexical data considered by us as lexemes of the Baltic-Finnish origin are, in some cases, not native to this soil but represent earlier Baltic borrowings. These units of the Baltic-Finnish language continuum are its integral part; they often have a transformed form and semantics in comparison with the Baltic etymons. Later attempts were made either to expand or narrow the list of such units. Some of the lexemes of Baltic origin, being an integral part of the Baltic-Finnish continuum, had spread further to the North Russian dialects.

This article gives examples of such mediated Baltics, which, due to the Baltic-Finnish influence, have spread widely in Russian dialects.

Keywords: transformed Baltisms, etymology, Baltic-Finnish, Russian dialects.

SERGEJ MYZNIKOV

Baltų ir suomių kilmės leksika rusų kalbos šiaurės vakarų tarmėse

Straipsnyje nagrinėjami kai kurie baltų, finougrių ir slavų (rusų) kalbų sąveikos aspektai. Siūloma rusų tarmių leksinių vienetų, kurios atsirado Rusijos šiaurės vakarų tarmėse iš baltų, suomių kalbų bei jų tarmių, nustatant galinį baltų šaltinį.

Leksiniai duomenys, įtraukti į tyrimą, tam tikrais atvejais yra ankstesnių laikotarpių skoliniai iš baltų kalbų. Šie vienetai baltų ir suomių kalbiniame kontinuume sudaro jo neatsiejamą dalį, dažnai turi transformuotą formą bei pakeistą semantiką lyginant su baltų etimonais. Straipsnyje taip pat kritiškai analizuojami kai kurie ankstesnių tyrimų bandymai gretinti baltų kalbų duomenis ir finougrių medžiagą.

Reikšminiai žodžiai: transformuoti baltizmai, etimologija, baltų ir suomių kalbos, rusų tarmės.

Поступило в редакцию: 28 августа 2017 г.

Принято к печати: 15 сентября 2017 г.

Сергей А. Мызников, доктор филологических наук, заведующий Словарным отделом Института лингвистических исследований Российской академии наук, заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы РГПУ им. Герцена.

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, head of department of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature of Herzen state pedagogical university of Russia.

Sergej Myznikov, filologijos mokslų daktaras, Rusijos MA Lingvistinių tyrimų instituto Žodynų skyriaus vedėjas, Rusijos valstybinio Herceno pedagoginio universiteto Uralo kalbų, folkloro ir letaratūros katedros vedėjas.

E-mail: myznikovs@rambler.ru